

УДК 94

**«...РАССЕЯТЬ ОКРУЖАЮЩИЙ МРАК,
ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗОБРАТЬСЯ В ВИХРЕ СОБЫТИЙ...»:
УЕЗДНЫЕ ДОМА-МУЗЕИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НОВОЙ ВЛАСТИ**

© 2018 г.

Н.А. Уткина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

cucula86@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2018

Впервые на нижегородском материале делается попытка отследить модификацию музея как культурной формы в новых исторических условиях. На примере уездных народных домов (домов-музеев) Нижегородской губернии рассматриваются качественные изменения в работе музеев в 1917–1920-е гг.: новые темы в беседах с населением, обострение бытовых трудностей, мобилизация и аресты сотрудников. В Приложении публикуются архивные документы, характеризующие описываемые явления, в том числе записка известного педагога Е.Н. Медынского.

Ключевые слова: культурная форма, народные дома, дома-музеи, Нижегородская губерния, губоно, Е.Н. Медынский.

Исследование музея как культурной формы, вытесненной и закрепившейся в российском обществе, представляет собой важный этап теоретического осмысления истории музейного дела. Считается, что, пройдя через стадию «потребности» в некоей особой форме сохранения памятников прошлого, общество выработало музейную форму, наделив её рядом локальных и типологических черт [1]. Временем окончательного обретения музеем статуса «культурной нормы» для нашей страны специалисты называют 1920-е гг. Однако это не означало утраты музеями своего разнообразия, прекращения концептуальных поисков в формах и содержании их работы. Наоборот: меняющиеся политические условия, развитие наук, социальные процессы обуславливали вопрос уже не о том, быть ли музею, а о том, каким быть музею. Коренная музейная потребность, будучи удовлетворённой, сопрягает музей со всеми остальными общественными процессами, формируя облик эпохи [2, с. 9–23].

Особенно интересно отслеживать модификации музея в переходные периоды. Для нашей страны это в первую очередь события 1917 года и первых следующих за ними лет. На нижегородском музейном материале эта проблема никогда ранее не поднималась. Начать её изучение хочется с т.н. музеев педагогического типа.

Появлению таких музеев на рубеже XIX–XX вв. способствовало развитие педагогики и её методов, возникновение образовательных учреждений разных типов, осознание неграмотности и социальных пороков взрослого населения. Этот тип музеев, противореча классиче-

ским определениям «музейного предмета», да и «музея» вообще, не предполагал наличия в своих коллекциях подлинных памятников, довольствуясь «показательным» комплектом книг и учебных пособий, используемых в образовательных учреждениях России и европейских стран. Такие музеи давали возможность педагогам знакомиться с учебно-методической литературой, повышать своё мастерство на практических занятиях, снабжали школы и училища наглядными учебными пособиями. Отдельной строкой шла внешкольная работа со взрослыми (выездные лекции, передвижные выставки), в том числе и на селе.

В Нижнем Новгороде подобными музеями были Педагогический музей при Дирекции народных училищ (открыт в 1897 г.) и земский губернский музей наглядных пособий (1912 г.).

На внешкольное образование были ориентированы «народные дома» (или «дома-музеи»). Народные дома начали появляться по всей России в конце XIX – начале XX в. по примеру Европы. Первое упоминание о народном доме связывают с Всероссийской художественной и промышленной выставкой 1896 г., проходившей в Нижнем Новгороде, где Министерство народного просвещения соорудило «примерное здание под таким названием» [3, с. 35], включавшее в себя аудиторию для лекций, театральную сцену, читальню, чайную. Народные дома должны были служить центрами внешкольного народного просвещения. Не мыслились они и без музейной составляющей: коллекции по различным отраслям знаний, модели, приборы, образцы кустарных промыслов привлекали по-

сетителей, а передвижные выставки содействовали распространению знаний.

В Нижегородской губернии подобное заведение впервые появилось в г. Городце (в 1898 г.), в 1901 г. – в с. Воскресенском Макарьевского уезда по инициативе передового помещика И.П. Кондырева, в 1903 г. – в Нижнем Новгороде по инициативе губернского предводителя дворянства А.Б. Нейдгардта и Общества распространения начального образования. Дом народных развлечений (Народный дом) был выстроен на Острожной площади по проекту архитектора П.П. Малиновского. Большую помощь в сборе средств на строительство и организацию его работы оказали М. Горький и Ф.И. Шаляпин.

Нижегородское губернское земство стояло на позициях создания целой системы внешкольного образования в уездных городах. Центром этой системы был губернский дом-музей, состоящий из двух частей – показательной и подвижной (для временной выдачи книг и наглядных пособий в уездные музеи и разъездным лекторам), а также лаборатории для обучения учителей и лекторов. Уездный же дом-музей предполагался заточенным под нужды местного взрослого населения: «здесь с наибольшей полнотой и систематичностью должны быть оставлены отделы сельского хозяйства, местных промыслов и санитарии. Даже общенаучные отделы естествознания, географии, геологии должны иметь в виду потребности хозяйственной жизни и здоровья местного населения» [4].

В 1911 г. земская управа наметила устроить в каждом уезде по одному дому-музею [5]. Было решено в 1912 г. начать строительство в двух уездах, наиболее пострадавших от неурожая, – Лукояновском и Сергачском. В 1912–1915 гг. народные дома в уездах создавались также кооперативами (кредитными товариществами) и уездными отделениями Общества распространения начального образования. Кооперативами было построено 28 народных домов, в 9 уездах начали функционировать 16 отделений Общества распространения начального образования. В 1917 г. дома-музеи были построены в с. Спасском Васильского уезда, с. Павлове Горбатовского уезда и в г. Лукоянове [6].

Деятельность уездных домов-музеев Нижегородской губернии до 1917 г. – тема отдельного исследования, требующего привлечения архивных источников уездных земских управ, а также районных краеведческих наработок. Общая канва ясна из сущности поставленных задач, а также из опыта деятельности губернского музея наглядных пособий [2, с. 252–267].

После Октября 1917 г. идея образования взрослых получила новый импульс. Уже в 1918 г.

при губернском отделе народного образования (губоно) появился внешкольный подотдел, курировавший деятельность губернского и уездных домов-музеев. Нельзя не отметить, что внешкольная работа в Нижнем Новгороде и губернии протекала тогда под руководством выдающегося педагога, видного теоретика внешкольного образования Евгения Николаевича Медынского (1885–1957), в 1917–1920 гг. работавшего в нижегородском губоно и в Институте народного образования [7, с. 236–240].

Губернский дом-музей начал создаваться в конце 1918 – начале 1919 г. В его задачи входило снабжение уездных домов-музеев экспонатами и «научными силами», разработка вопросов внешкольного образования с точки зрения методологии и «проведения передовых принципов» [8]. При доме-музее планировались отделы: биологический, показательный и подвижной; педагогическая библиотека; лаборатория для практического ознакомления с методами просветительной работы.

Уездные дома-музеи создавались «с теми же текущими задачами, как и губернский дом-музей, только в меньшем размере» [8] и имели в своём составе музей, «справочно-инструкторскую», библиотеку, показательную школу взрослых, склад театральные принадлежности, студию изобразительных искусств и музыкальную.

Бытование данного типа музеев в новых политических условиях представляет особый интерес. В представлениях большинства закрепились мнение о том, что дома-музеи – явление исключительно дореволюционного времени, а новая власть уже с первых лет опиралась в просветительной работе на новые культурные институты – рабочие и советские клубы, дворцы культуры.

Между тем дома-музеи Нижегородской губернии «перешагнули» в новую эпоху, сполна хлебнув материальных трудностей, недоверия со стороны местных жителей, прямых конфликтов. Материалы по истории домов-музеев из архивного фонда губоно – практически нетронутый массив документов, их изучение способно обогатить не только историю нижегородского музейного дела, но и исследование народных настроений в годы революции и Гражданской войны, бытовой повседневности.

Окружающая обстановка на самом деле была далека от спокойной: «Последние известия из Москвы и Петрограда, известия о начавшихся погромах в Васильском уезде не дают возможности вполне отдаться делу внешкольного образования. Часто работать невозможно (как можно говорить о спектакле, когда граждане заняты разделом чужого имущества). События так грозны, что не имеешь силы забыть о них

хоть на несколько часов», – писал из Васильского уезда заведующий домом-музеем М.Н. Сеславинский [9, л. 12]. Административный хаос усугублялся нехваткой продовольствия, денег, жилья, элементарных удобств. Из Павлова, Мурашкина, Сергача, Ардатова и других уездных городов в губоно присылали письма о тяжёлых бытовых условиях: «Ввиду крайней необходимости, ввиду того, что даже есть нечего, обращаюсь в отдел с заявлением – не может ли он прикомандировать меня в Нижний: при отделе или при губернском музее. В Нижнем у меня есть хоть маленькая надежда, что буду сытым, в Павлове, при всем своем глубоком желании работать в музее, оставаться дальше не смогу, ибо неоткуда и ничего нельзя достать», – писал из с. Павлова помощник заведующего домом-музеем К.А. Сметанин [10, л. 88].

Важнейшей задачей, которую поставило время перед домами-музеями, было политическое просвещение. Так, в Васильском уезде «июль и половина августа (1917 г. – Н.У.) были заняты исключительно чтением лекций. Что такое Учредительное Собрание, его задачи, выборы в Учредительное Собрание, формы правления, значение политических свобод, земельный вопрос в России, программы различных политических партий, история революционного движения в России – вот темы наших лекций» [9, л. 11]. Сотрудники домов-музеев отмечали невозможность опереться в этой работе на местных народных учителей, которые не знали деревню, не стремились «хоть немного рассеять окружающий мрак, дать возможность разобрататься в вихре событий свободному неграмотному гражданину» [9, л. 11].

Работа заведующих, протекавшая в условиях голода и хозяйственной разрухи, порой становилась опасной для жизни. Отчёты о беседах с сельскими жителями заведующей Горбатовским уездным домом-музеем В.П. Малиновской (см. Приложение) полны угроз в её адрес, острого неприятия сельчанами политических рассуждений, разговоров о войне, о новых налогах, грабительских ценах на продовольствие.

Образование, личностные качества, судьбы заведующих и сотрудников домов-музеев в те годы – тоже крайне любопытный аспект. Для них была характерна мобильность в пределах губернии (одни и те же люди сотрудничали в разных домах-музеях), довольно высокий уровень образования (студенты и выпускники Московского, Петроградского, Казанского университетов, Высших женских курсов, городских и реальных училищ). Делались даже попытки теоретического осмысления своей работы. Так, заведующий Лукояновским домом-музеем З.И. Баха-

рев опубликовал брошюру «Уездный музей, его задачи» (1919 г.), где раскрыл цели, задачи и направления деятельности уездных домов-музеев.

Однако суровая повседневность не щадила и работников культпросвета. В 1918 г. в с. Павлове арестовали заведующую домом-музеем В.П. Малиновскую, заявив, что она «обвиняется как известная монархистка и контр-революционерка, выступавшая против Совета» [10, л. 73], в Лукоянове помощника заведующего А.И. Покровского арестовали «ввиду распространения им присланной брошюры “Бюро статистики и разработка вопросов народного образования”» [11]. Молодых людей продолжали призывать на войну. «Из волостей чуть не каждый приходит день крестьяне просят ево приехать в деревню и говорят что заведующий только начал нас подымать на ноги. Очень печально для их что ево взяли в салдаты», – писала из с. Павлова служительница дома-музея о заведующем Петре Аввакумове [10, л. 13].

Несмотря на трудности, работа домов-музеев в 1917–1920 гг. отличалась неподдельной идейностью, разнообразием форм: читались лекции с туманными картинками, создавались оркестры, ставились спектакли на злобу дня, для чего просили прислать «пьесы, грим и парики». В музейное собрание, помимо пособий, присланных из губоно, входили вещи из национализированных усадеб, сотрудники домов-музеев пытались включить их в текущую просветительную работу.

Вслед за становлением государственной идеологической парадигмы дома-музеи всё больше стали приближаться к рабочим клубам, сосредоточившись на борьбе с неграмотностью, политическом просвещении и культурном досуге. Известно, что название «народный дом» бытовало по отношению к таким заведениям и в конце 1930-х гг. Отследить судьбу их музейной составляющей – задача дальнейшего исследования.

Приложение

(публикация проведена с сохранением орфографии и пунктуации оригиналов)

Отчёт о беседах, проведённых в Горбатовском уезде В.П. Малиновской.

10 и 11 июня посетили 4 селения Лесуновской волости: Лесуново, Рожок, Николаевка и Залесье. Волость принадлежит к числу наиболее голодных волостей Горбатовского у. Благодаря этому условно почти всё время беседа во всех пунктах вертелась вокруг вопроса о хлебе. Все попытки отвести их внимание на политические вопросы – терпели крах, особенно в с. Николаевка – крестьяне, занимающиеся лесным промыслом довольно зажиточные, и благодаря чему видимо так или иначе запаслись хлебом.

А потому, как всегда приходится наблюдать, кричали, ругали кооператив, земство, новое правительство и т.д. С трудом приходилось удерживать эту злую толпу, условно самую неприятную из всех тех, с кем приходилось встречаться в уезде.

Выделялись тут солдаты, отпущенные на полевые работы и заявлявшие своё нежелание идти на войну, зачем нам ваша свобода, коли меня убьют как собаку.

Не менее ярко был и староста – хитрый жуликоватый проныра, заглушавший своим криком о голоде мои слова, при чём, через некоторое время приглашая меня пить чай – с бахвальством заявил, «Что у нас, хлеба что ли нету? Што хошь – иди откушай».

В общем толпа была так буйно настроена, так упрямо-криклива, что моментами судя по заявлениям отдалённых голосов можно было ожидать, что мне как представителю, по их мнению, шайки грабителей-земства, достанется жестоко: «На кой чёрт к нам приехала, коли у тебя хлеба нету, нечего и кататься по деревням да лясы точить, от этого сыт не будешь». После 3 час. беседы, если можно так выразиться, с тяжёлым осадком на душе выбралась я из этого села, давно известного как оказалось своим буйством.

Лучше дело обстояло в Лесунове и Залесье, хоть и тут доминирующая тема – хлеб, всё же более спокойно и разумно сравнительно толпа. Как и в Рожке, крестьяне выразили свою благодарность за посещение и просили почаше приезжать «а то мы лесовики как есть всеми покинуты, ничего не знаем, а знать охота, хоть животы и подводит с голоду». Задавались вопросы о земле, партиях, а в Залесье, где много адвентистов – о религии, боге, отношении к церкви и иконам. Повсюду конечно слышно заявление о новом... (*неразб. – Н.У.*) твёрдых цен на хлеб и свободном пропуске из соседнего Арзамасского у., к-ый всегда являлся их кормильцем. Действительно, с моей точки зрения, твёрдая цена... (*неразб. – Н.У.*) заколдованный круг (в том виде как она существует) в результате чего цены доходят до 18 руб. пуд. Чувствуется, что где-то по-прежнему творится беспредел. Люди, забывая о гражданском долге, по-прежнему пекутся только о себе. Везде царит разруха в деле снабжения деревни продовольствием и только можно болеть душой от сознания своего бессилия в желании помочь людям, да и поможешь ли при условии такого колоссального недоверия ко всем. Таково было настроение деревни в половине июня. А что же даст месяц крестьянской страды, если не... (*неразб. – Н.У.*) её?

Закон о хлебной монополии повсюду вызывает возмущение, вследствие полного непонимания его цели, а людей нет, которые могли бы растолковать суть закона. «Вы только о фабричниках заботитесь, которые гребут деньги, а делать ничего не хотят. Пригласить их на нашу работу – давай 5 руб. на день, а хотите, чтоб крестьянин хлеб давал, не увидите вы его». Немало крика бывает из-за военнообязанных, того и гляди начнут мстить за их присутствие дома.

В д. Малявине Детковской вол. беседы были о земстве, учредительном собрании, социалистических партиях... (*неразб. – Н.У.*) что там что тут преимущественно павловские рабочие, не занимающиеся

хлебопашеством. Хотят устроить у себя политическую библиотеку.

Далее посетили сравнительно хлебные волости уезда Пашигоревскую, Шапкинскую, Теряевскую и Абабковскую, где темами бесед были главным образом – волостное земство, хлебная монополия, учредительное собрание. Теряевская вол. произвела самое отрадное впечатление. Постановка была как в исполнительном, так и продовольственном комитете – видимо благодаря присутствию... (*неразб. – Н.У.*) и сознательного человека – писаря, не ждущего указания сверху. Благодаря этому народ уже посвящен в вопросы хлебной монополии, волостного земства. Причем, по заявлению писаря, если удастся провести насильно закон о хлебной монополии, то эта волость обойдётся свободно до нови своим запасом. К сожалению приходится отметить повсюду один и тот же печальный факт – крестьянство злобно относится к монополиям, твёрдым ценам. Многие сознательно обменяли имеющуюся в их распоряжении землю, «дескать была охота на других спину гнуть, всё равно отымут всё, а ты как дурак стой у монополии в очереди от своего-то богатства».

В Пашигоревской, как и в Шапкинской вол. члены комитета далеко не проявляют гражданских чувств и обязанностей, а крестьяне по-прежнему рабы, боясь слово молвить господину старшине, кому самому крестьянство дало большой оклад и видит, что этот старшина ничего делать для них не хочет. Была я в Шапкине в первых числах июля, но там даже не приступили к составлению избирательных списков в волостное земство.

Беседа была продолжительная, много вопросов о будущем земства и его обязанностях, а также и о выборах в Учредительное Собрание. Нужно сказать, что часто приходится слышать одну и ту же фразу относительно партийных выборов, «что ж вы голову-то нам морочите, хвастаете зря, что будем выбирать тех, кого знаем так же как в Госуд. Думу». Не всегда видимо удаётся растолковать им значение партийности при выборах. Ответственность каждого представителя перед... (*неразб. – Н.У.*) понятно головы слишком темны... (*неразб. – Н.У.*) на лицо: голосуй за неизвестных лиц.

Слышится часто и мольба, чтоб партии не пугали их «дело сурьёзное... только что невоготу нам разобратся во всём. Кто лучше, кто хуже все вы говорите ладно, а господь вас знает, что у вас на душе-то!» Абабковцы сыты, но требуют «калбанов», т.е. пшеничного хлеба; ненависть к фабричным безгранична. Желание отомстить им, не дать хлеба из деревни вот главные мотивы их высказанные передо мной плюс к этому упрямое непонимание и нежелание понять хлебную монополию. Все старались при переписи доказать меньшую площадь полей и побольше едоков. Комитеты слишком пользуются доверием, чтобы заставить себя выслушать, правда отчёта в своих они и не могут давать. В этой же волости как мне удалось выяснить, более ловкий народ устроил относительно сахара таким образом: в Абабкове получают по карточкам, а в Горбатове без карточек таким образом мне стало понятно то гостеприимство, к-ым меня окружили все, куда не приходила, везде хлеб, везде сахар в достаточном количестве.

Где же искать правды? Когда же избавимся мы от подлости и нечестности, которая как паутина запутала людей. Кому верить или не верить? В деревнях отсутствуют люди, учительства нет, следовательно кто же пройдет в земство? С. Павлово имеющее 6000 рабочих, большое количество интеллигенции по сути как захолустье. Лекции, устраиваемые нар. унив. не посещаются. Правда, очень редкие митинги собирают толпу тысячи в две, но выступать некому. Нижегород. большевик Козин был встречен настолько бурно, что мне пришлось принять меры успокоения словесного, а то было сильное желание спустить большевика, выкрикивающего свои необоснованные лозунги непосредственно с кручи.

Нужно сказать, что деревня не жалуется большевикам, уже давно мне приходилось слышать вопросы почему не рассчитаются с меньшевиками и не посадят в тюрьму «потому как он всё дело Российской портит».

17 июля 1917 года

В. Малиновская

[ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6]

[Публикация Н.А. Уткиной]

23 февраля 1918 г.

Вам, Вера Петровна*, по всей вероятности известно, что Отдел своей кассы не имеет; в земской кассе денег нет. Государственный Банк закрыт и как говорят будет закрыт ещё в течение недели.

Вам денег не высылают не потому что Вы далеко: приехавший сюда заведующий Сергачским домом-музеем не мог получить 500 рублей в течение 7 дней и проживался в Нижнем – получил совершенно случайно.

Меня удивляет эта привычка – которой особенно отличается Сеславинский** – всё валить на одно лицо. Могу Вас уверить, что мне может быть в 20 раз больнее разлука земства и его просветительской работы, но я столько же могу сделать, сколько и вы в смысле добывания средств. Простите, но это или непонимание положения или сознательное желание свалить отсутствие средств с большой головы на здоровую.

По вопросу о том, что Вам делать дальше: учтите сами и не нервничайте. Если персонал уездного дома-музея не может выждать 1–2 недели пока будут деньги, как это делали учителя, не получавшие часто денег по нескольку месяцев и как теперь выжидаем все мы, служащие губернского земства, то придется дом-музей прикрыть.

Е.Н. Медынский.

[ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 1. Д. 2. Л. 37]

[Публикация и коммент. Н.А. Уткиной]

Комментарии

*Вера Петровна Малиновская – заведующая Горбатовским уездным домом-музеем в 1918 г.

**Михаил Николаевич Сеславинский – заведующий Васильским уездным домом-музеем в 1918 г.

Докладная записка

Заведующего Княгининским уездным домом-музеем А.П. Ковалева в Коллегию по внешкольному

образованию Нижегородского Губернского комиссариата по народному образованию.

Считаю своим революционным долгом информировать Коллегию относительно той обстановки, среди которой нам приходится работать. Вам уже известно, что нам пришлось положить немало труда по выселению бывших помещиков Чемизовых и Рубашкиных и перенесению уездного дома-музея в Базино. Но это оказалось первое и пожалуй самое лёгкое препятствие, которые лежат на пути развития народного образования. Октябрь произвёл раскол даже среди революционной интеллигенции, не говоря уже об обывательской интеллигенции, которой наводнены наши уездные города.

С первых же дней нашего занятия клуба местной буржуазии мы встретили враждебное отношение со стороны местной обывательской интеллигенции. Враждебное отношение к нам, как советским культурным работникам, особенно проявилось в наше отсутствие, когда мы были в Н.Новгороде. В это время наши семьи подверглись сплошной травле со стороны обывательской интеллигенции. Со стороны её слышались намеки на чехо-словаков и т.д. Таким образом к нам отношение определено враждебное со стороны интеллигенции, к которой приходится отнести и местное городское учительство. Но мы, разумеется, и не питали иллюзий быть встреченными радушно со стороны обывательской интеллигенции и что она окажет поддержку в нашей работе. Мы хладнокровно взвешивали обстановку и приходили к выводу, что помощи со стороны обывательской интеллигенции ждать не приходится; мы полагали только использовать её, в некоторых случаях, как техническую силу и только. Нам двоим в уезде собственными силами, без помощи сотрудников, хотя бы инако мыслящих с нами, но не расходящихся в одном, что наука для народа, безусловно не справиться. Здесь в городе мы видим только одну обывательскую интеллигенцию, которая не в состоянии ничем заниматься, кроме как грезить о чехо-словаках. А революционной интеллигенции здесь пока нет. Но этот пробел мы думали найти в местном Совете. В этом скоро пришлось разочароваться. В Совете может быть люди и искренние, но мало разбирающиеся в политике, а потому, сплошь и рядом, своим неумелым выбором сотрудников по народному образованию сводит нашу работу к нулю и смотрит на наше дело народного образования как на работу второстепенную. Так, например, местным Исполкомом приглашены люди в Отдел народного образования не только не стоящие на платформе Советов, но и вряд ли даже, чтобы у них было социалистическое мировоззрение. Лица эти следующие: бывший инспектор высшего начального училища Петербуржцев, он же председатель Совета старшин клуба, принимавший активное участие в деле чинения препятствий к занятию помещения клуба под уездный дом-музей. Этот гражданин по своим убеждениям хорошо если кадетствующий, а то, пожалуй, и правее. Другие лица нечто в этом роде, если не хуже. Правда отдел организован временно впредь до приискания соответствующих работников, но кто их будет подыскивать? Исполком? В том то и вся суть, что председатель Исполкома

т. Шибанов возложил это на временный отдел народного образования, состоящий из вышепоименованных лиц.

Из сказанного, полагаю, будет ясно, что о какой-нибудь серьёзной работе с таким составом отдела народного образования не приходится и думать. Это одна сторона той мрачной обстановки. Теперь постараюсь изобразить другую.

Один из здешних кружков обывательской интеллигенции, носящий название музыкально-драматического кружка, председателем которого является вышеупомянутый Петербуржец, обратился за разрешением поставить спектакль в доме-музее в пользу голодающих. При чём просил, чтобы им разрешили устроить танцы и буфет. После долгих и настойчивых просьб я дал разрешение, ибо в числе ходатаев был военный Комиссар, который ручался за порядок. Спектакль состоялся, после которого началось что-то невообразимое – скорее дикий разгул, но не танцы. Слышались крики, площадная ругань, грохот, закончилось стрельбой и ранением кого-то. На следующий день мною было о случившемся заявлено милиции. Ведётся дознание, которое ещё не закончено, но уже кое-что выяснилось. Милиционер, производящий дознание, предупредил, что дознание это связано с большой опасностью. Так как о происходящем безобразии в доме-музее после спектакля ему уже известно, что кроме пьянства актёров, пьянствовала красная армия и начальник штаба красной армии Опарин, который произвёл выстрел и ранил человека и уже уплатил ему за ранение 1000 рублей. Это не первая выходка со стороны Опарина. Что он будто бы приходит, берёт за ворот местного врача и требует разрешение на водку. За одно дознание милиционер был чуть не пристрелен Опариним, но так как последний был пьян, то вместо милиционера ранил сторожа. Последний пролежал в больнице 1½ месяца и получил в награду 50 рублей от Опарина. Дело это, по словам милиционера, разбиралось в Исполкоме при закрытых дверях и было заглушено.

Музыкально-драматический кружок, узнав, что ведётся дознание, явился ко мне с красноармейцем, без всякого разрешения, занял одну из комнат Музея и хотел обсудить создавшееся положение. Но их просили оставить помещение дома-музея. Уходя, они намекнули на прекращение дела, так как с ними был военный комиссар уезда, а потому затея заведующего домом-музеем обвинить их ни к чему не приведёт. Находившийся тут же красноармеец в грубой форме заявил, что их 20 человек и все они пойдут в свидетели, что никакого пьянства и разгула в доме-музее не происходило, тогда посмотрим кто будет отвечать. Такое заявление красноармейца и кружка навело на подозрение, которое было подкреплено слухами, что дело происходило без участия военного комиссара. Ибо я, заведующий, никакого обвинения никому не предъявлял и кто устроил разгул не знал, но заявляя милиции о происшедшем, указал как на свидетелей на распорядительную комиссию спектакля, которая должна была пролить некоторый свет на происшедшее, так как этой Коллегии и было отдано

помещение под её ответственность и они должны были оставить помещение последними. Кроме того, в уборной актёров были рвотные испражнения, на всём были видны следы пьянства, а в уборную комнату, изолированную, входили только актёры. Ещё как на свидетеля было мною указано на военного комиссара, которого я лично видел, когда наваливали на подводу пьяного Опарина. Да и сами актёры говорят, что он был с ними всё время.

И так работа наша тормозится Отделом народного образования, Исполкомом, что видно из моего заявления, посланного в половине августа. В добавление ко всему эта угроза красноармейцев и обывательской интеллигенции, которая ждёт не дожидается чехо-словаков и в то же время призывает на защиту военного комиссара, прячется за него и грозит им. Вообще создаются условия, при которых не только невозможно работать, но даже не безопасно жить в данной местности, а потому просьба моя и моего сотрудника освободить нас от занимаемой должности.

[ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 213. Л. 48–49]

[Публикация Н.А. Уткиной]

Список литературы

- Музейное дело России / Отв. ред. М.Е. Каулен. М.: Изд-во «ВК», 2003. 614 с.
- Уткина Н.А. Нижегородский музейон: основание. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 404 с.
- Данилевский В.Я. Задачи и общественное значение Народных Домов // Народные Дома как культурно-просветительные центры. Харьков: Изд-во «Союз» Харьковского кредитного союза кооперативов, 1918. 74 с.
- О центральном педагогическом музее губернского земства с лабораторией и мастерской наглядных пособий // Доклад Губернской земской управы XLVI очередному Нижегородскому губернскому земскому собранию. 1910. С. 5, 6.
- Об обращении школьно-строительного фонда Губернского Земства на устройство уездных музеев-библиотек (народных домов) и о сооружении в 1912 году двух первых зданий в Сергачском и Лукояновском уездах // Доклады Губернской земской управы XLVII очередному Нижегородскому губернскому земскому собранию. 1911. С. 33.
- Малиновский Н. Народные дома и районная организация внешкольного образования в Нижегородской губернии // Нижегородская земская газета. 1915. № 20. 28 мая.
- Нижегородская школа XVIII – начала XX века. Очерки истории образования / Под ред. И.В. Берельковского. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2003. 270 с.
- Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-120. Оп. 3. Д. 6. Л. 14.
- ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 1. Д. 1.
- ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 1. Д. 2.
- ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 1. Д. 34. Л. 60.

**«TO DISPEL THE DARKNESS OF REALITY, TO GIVE A CHANCE TO MAKE SENSE
OF THE VORTEX OF EVENTS...»:
DISTRICT COMMUNITY HALLS OF THE NIZHNY NOVGOROD PROVINCE
IN THE FIRST YEARS OF NEW POWER**

N.A. Utkina

For the first time, an attempt is made using the Nizhny Novgorod material to trace the modification of the museum as a cultural form in the new historical conditions. On the example of provincial community halls of the Nizhny Novgorod province, qualitative changes in the work of museums in the 1917-1920s are considered: new topics in the dialog with the population, the exacerbation of difficulties in everyday life, mobilization and arrests of employees. The Appendix contains some archival documents pertaining to these events, including a note written by the famous pedagogue E.N. Medynsky.

Keywords: cultural form, community hall, museum, Nizhny Novgorod province, Provincial Department of Public Education, E.N. Medynsky.

References

1. Muzejnoe delo Rossii / Otv. red. M.E. Kaulen. M.: Izd-vo «VK», 2003. 614 s.
2. Utkina N.A. Nizhegorodskij musejon: osnovanie. N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 2017. 404 s.
3. Danilevskij V.Ya. Zadachi i obshchestvennoe znachenie Narodnyh Domov // Narodnye Doma kak kul'turno-prosvetitel'nye centry. Har'kov: Izd-vo «Soyuz» Har'kovskogo kreditnogo soyuza kooperativov, 1918. 74 s.
4. O central'nom pedagogicheskom muzee gubernskogo zemstva s laboratoriej i masterskoj naglyadnyh posobij // Doklad Gubernskoj zemskoj upravy XLVI ocherednomu Nizhegorodskomu gubernskomu zemskomu sobraniju. 1910. S. 5, 6.
5. Ob obrashchenii shkol'no-stroitel'nogo fonda Gubernskogo Zemstva na ustrojstvo uezdnyh muzeev-bibliotek (narodnyh domov) i o sooruzhenii v 1912 godu dvuh pervyh zdaniy v Sergachskom i Lukoyanovskom uezdah // Doklady Gubernskoj zemskoj upravy XLVII ocherednomu Nizhegorodskomu gubernskomu zemskomu sobraniju. 1911. S. 33.
6. Malinovskij N. Narodnye doma i rajonnaya organizaciya vneshkol'nogo obrazovaniya v Nizhegorodskoj gubernii // Nizhegorodskaya zemskaya gazeta. 1915. № 20. 28 maya.
7. Nizhegorodskaya shkola XVIII – nachala XX veka. Ocherki istorii obrazovaniya / Pod red. I.V. Bel'kovskogo. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gumanitarnyj centr. 2003. 270 s.
8. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). F. R-120. Op. 3. D. 6. L. 14.
9. CANO. F. R-120. Op. 1. D. 1.
10. CANO. F. R-120. Op. 1. D. 2.
11. CANO. F. R-120. Op. 1. D. 34. L. 60.